

В ТЕАТРЕ ОДНОГО ЖОНГЛЕРА

В тот вечер мы, пожалуй, вдвоем во всем цирке остались без ужина. Глаза артиста, стоявшего у закрытой стойки буфета, устало смотрели на меня из-под тонкой ниточки грима. Пахло свежими опилками. Артисты длинной цепочкой тянулись в гостиницу. Вскоре засвистели чайники и горьковатый запах жареного кофе разносился по этажам. Раздобыв, наконец, бутерброды, я вспомнил о недавнем знакомом. И, когда он вопреки открыл дверь номера, разноцветные мячи рассыпались по полу. Так состоялась наша встреча с молодым жонглером — лауреатом Международного конкурса в Париже Геннадием Килем. С первой минуты разговор завязался вокруг фестиваля. О нем Геннадий вспомнит еще не один раз. Но все же больше мы говорили о том, что и как привело его к победе.

«Тогда, честно говоря, мне было не до Парижа. Зыбкое артистическое счастье улыбнулось вдруг только после третьего тура конкурса, когда у меня не оставалось ни надежд, ни сил...» — так закончил свой рассказ трехлетней давности артист Геннадий Киль.

После представления на гала-концерте публика стоя приветствовала победителя. А он, едва скрывшись за кулисами, расплакался как мальчишка от переживаний и усталости. Не успели высохнуть слезы, а ему уже вручили денежную премию в 7 тысяч франков и большую серебряную медаль.

Каждое утро я встречал его в репетиционном зале, где артисты гоняли бильярдные шары, вертелись у зеркальной стенки, репетировали трюки, разогревали тело и уходили работать в манеж. Цирковая жизнь шла «колесом» до позднего вечера. И каждый день, бросив школьную сумку, сидел на подоконнике с охапкой зеленых шариков маленький Сережа — сын служащих, замороженно наблюдая за разминкой жонглера. В руках у Гены Киль небольшие мячики описывали головокружительные траектории, ныряли полукругом за спиной и летели вверх из-под ног артиста.

На утренней репетиции шары, как «назло», летали без ошибок и падений. «Полукаскад» шел за «каскадом», мячи скользили по голове, мельтешили перед глазами и дружно собирались в ладонях жонглера.

— «Нелетных дней» было гораздо больше, — улыбался Г. Киль, переводя дыхание. И действительно, стоило ему чуть оттянуть корпус или потерять точку «опоры» на куполе и мячи летели мимо рук.

— Пожалуй, самое трудное в номе-

ре, — продолжал свой рассказ артист, — исправить ошибку в трюке, повторить его еще раз, подстроиться под фонограмму.

Помню, в первый день премьеры в цирке на Цветном бульваре вдруг по техническим причинам умолкла музыка в середине номера. В первый момент растерялся, решил собрать шары и уйти с манежа, но заставил себя жонглировать дальше, импровизировать танец. А мячи сыпались в руки, словно градинки, в притихшем зале. Номер я закончил под фонограмму, даже не заметив, когда ее включили, а зритель принял эту паузу за один из трюков моего выступления.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! — постучал Гена по деревянной крышке стола. — Всегда бы так кончалось.

Следующая встреча, на которой мы смогли продолжить начатый с артистом разговор, состоялась через несколько дней.

— Особых секретов этого жанра, — рассказывал Геннадий, — я не ведал. После школы бегал в самостоятельную цирковую студию, где занимался гимнастикой. Но, увидев однажды в цирке популярного жонглера Сергея Игнатова, рискнул. Подобрал вес шариков, насыпав в каждый по сто граммов манной крупы. До сих пор не пойму — почему крупу, а не песок!?

Начав карьеру артиста, Геннадий Киль не предполагал, какие психологические и физические нагрузки выпадут на его долю. Часто на репетициях его принимали за сумасшедшего, часами разговаривающего со своими «партнерами». Шары были равнодушными или строптивыми, но чаще коварными. Артист «наказывал» их — швыряя в дальний угол зала, или «расхваливал», поглаживая по шероховатым бокам... Жонглер бросал целый ряд предметов,

увеличивая их количество и изменял порядок полета. Но ему это казалось недостаточным. Необходимо было дать смысл и жизнь жесту и трюку. К концу дня Гена оставался «без рук». Ему некогда было выскочить на примерку костюма, хотя давно уже вырос он из старого, вернувшись из армии.

Старая фотография на столике в гостиничном номере — свидетельство давней и верной дружбы ученика и учителя — скрашивала казенный быт гастролирующего артиста. Вряд ли без поддержки и великого терпения Николая Баранова — художественного руководителя Киевского государственного мюзик-холла, Геннадию Килю удалось бы овладеть приемами древнего жанра.

Номер Г. Киль «Театр одного жонглера» был задуман режиссером Н. Барановым в жанре синхробуфоннады в сплав танца и музыки, жонглирования и акробатических трюков. Старая шарманка и десяток разноцветных мячей — весь нехитрый реквизит выпускника Киевского циркового училища, впервые приехавшего на гастроли в Душанбе вместе с прославленным коллективом «Прометей».

— Первое время, — вспоминал жонглер, — с замиранием сердца разглядывал зал, пытаюсь установить контакт со зрителем. Но мне почему-то это долго не удавалось. Порой приходили «любители» цирка, садились в первые ряды, складывали руки на животе и смотрели на меня, словно в телевизор...

Старая шарманка рассыпала на ковре мячики-нотки, которые в руках жонглера превращались вдруг в веер звуков, приоткрывающий занавес «театра» Геннадия Киль. В сценках танца зритель легко угадывал лицо услужливого официанта из приморского ресторанчика или пылкого влюбленного, бросавшего свое «сердце» в зрительный зал. Артист жонглировал, с удивительной легкостью исполнял фляки, ловил шары, садился на шпагаты и снова ловил мячи, не сломав трюков,

под музыку популярной некогда «Джамайки».

В резких механических движениях «брейк-данса» артист раскрывал мастерство мимики и жеста, рассказывал о сегодняшнем времени, времени дефицита человеческого тепла и добра. Все девять минут, именно столько шел номер, Геннадий Киль играл свои роли на одном дыхании, словно боялся не успеть сыграть их до конца.

— Я не ставил задачу, — рассказывал за кулисами Гена, — навязывать свое мнение. Я только давал сценки, «намечал» для зрителей время и про себя говорил: «Думайте!». По реакции зала можно было судить, что артист достиг своей цели.

Едва появился свободный день, как Геннадий умчался в свой родной город, чтобы поделиться заботами, обсудить новые трюки с учителем, да и просто заглянуть в свой старенький двор, где недавно прошло его детство.

В репетиционном зале Гена показывал маленькому Сереже постановку ног, вращение рук. Мальчик старался вовсю. Я долго наблюдал за ними.

— Вроде и хлопотно, — смутился артист, — старается пацан, повсюду за мной бегают. Чем Бог не шутит, может, что-то получится.

А мне подумалось тогда, что когда-нибудь в таких мальчишках повторит себя артист-жонглер Геннадий Киль.

М. МЕДВЕДЕВ,
заместитель директора
Волгоградского цирка.

